

НЕМЕЦКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

В. Н. ШАЙДУРОВ¹⁾

¹⁾Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечается, что немецкое сообщество Санкт-Петербурга в имперский период не было однородным. Заметную роль в столичной жизни играли не только дворяне, преимущественно из числа прибалтийских немцев, но и городские обыватели (мещане, посадские) и колонисты, занимавшиеся ремеслом и сельским хозяйством. Исследуются особенности формирования и развития сообщества немецких ремесленников Санкт-Петербурга в XVIII – начале XIX в. с точки зрения фронтирной модернизации. Определяются основные тенденции государственной политики в отношении изучаемого сообщества. Отмечается, что в конце XVIII в. Уставом цехов было закреплено деление цехов Санкт-Петербурга на российские и иностранные (преимущественно немецкие). Показано взаимодействие городских немцев и немцев, проживавших в колониях вблизи столицы. Делается вывод о тесной связи этих групп населения. Опровергается тезис об изолированности немецких колонистов, доказывается мысль об их постепенной интеграции в городскую среду Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: немцы России; петербургские колонии; немецкая ремесленная управа; ремесленник; цех; идентичность; Санкт-Петербург.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

НЯМЕЦКІЯ РАМЕСНІКІ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГА: АСАБЛІВАСЦІ ФАРМІРАВАННЯ І РАЗВІЦЦЯ СУПОЛЬНАСЦІ Ў XVIII – ПАЧАТКУ XIX ст.

У. М. ШАЙДУРАЎ^{1*}

^{1*)}Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
Пецярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Адзначаецца, што нямецкая супольнасць Санкт-Пецярбурга ў імперскі перыяд не была аднастайнай. Прыкметную ролю ў сталічным жыцці адыгрывалі не толькі дваране, пераважна з ліку прыбалтыйскіх немцаў, але і гарадскія жыхары (мяшчане, пасадскія) і каланісты, якія займаліся рамяством і сельскай гаспадаркай. Даследуюцца асаблівасці фарміравання і развіцця супольнасці нямецкіх рамеснікаў Санкт-Пецярбурга ў XVIII – пачатку XIX ст. з пункту гледжання францёрнай мадэрнізацыі. Вызначаюцца асноўныя тэндэнцыі дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да вывучаемай супольнасці. Адзначаецца, што ў канцы XVIII ст. Статутам цэхаў было замацавана дзяленне рамесных цэхаў Санкт-Пецярбурга на расійскія і замежныя (пераважна нямецкія). Асвятляецца спецыфіка ўзаемадзеяння

Образец цитирования:

Шайдуrow В.Н. Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII – начале XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;3:23–32.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-23-32>
EDN: LDBNXXM

For citation:

Shaidurov V.N. German craftsmen of Saint Petersburg: specifics of formation and development of the community in the 18th – early 19th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;3:23–32. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-23-32>
EDN: LDBNXXM

Автор:

Владимир Николаевич Шайдуrow – доктор исторических наук, доцент; заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа.

Author:

Vladimir N. Shaidurov, doctor of science (history), docent; head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.
s-w-n@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

гарадскіх немцаў і немцаў, якія пражывалі ў калоніях паблізу сталіцы. Робіцца выснова аб цеснай сувязі гэтых груп насельніцтва. Абвяргаецца тэзіс аб ізаляванасці нямецкіх каланістаў, даказваецца меркаванне аб іх паступовай інтэграцыі ў гарадское асяроддзе Санкт-Пецярбурга.

Ключавыя словы: немцы Расіі; пецярбургскія калоніі; нямецкая рамесная ўправа; рамеснік; цэх; ідэнтычнасць; Санкт-Пецярбург.

Падзяка. Даследаванне выканана за кошт гранта Расійскага навуковага фонду і Санкт-Пецярбургскага навуковага фонду № 23-18-20025.

GERMAN CRAFTSMEN OF SAINT PETERSBURG: SPECIFICS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COMMUNITY IN THE 18th – EARLY 19th CENTURY

V. N. SHAIDUROV^a

^a*Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia*

During the imperial period, the German community of Saint Petersburg was not homogeneous. Not only the nobility, mostly from the Baltic Germans, played a prominent role in the urban life, but so did urban residents (burghers, tradespeople) and colonists, who dominated over crafts and agriculture industries. The object of study is the German crafts world in Saint Petersburg in the 18th – early 19th century, the subject being its formation and peculiarities of development. This topic is considered by the author of the article from the point of view of modernisation in the frontier territory. On the basis of various sources, the regulatory and legal framework for the formation and activity of German craft workshops has been determined. From various sources, the legislative framework of its formation and activity was deduced, which made it possible to determine the main trends of state policy regarding the community under study. The Charter on workshops at the end of the 18th century fixed the division of workshops in Saint Petersburg into Russian and foreign (predominantly German). The specifics of interaction between the urban Germans and the German colonists living in the colonies near the then-capital is described. The obtained statistical data enables us to talk about the close relationship of these population groups. The conducted research refutes the thesis about the isolation of the German colonists and proves their gradual integration into the urban environment of Saint Petersburg.

Keywords: Germans of Russia; Saint Petersburg colonies; German craft council; craftsman; workshop; identity; Saint Petersburg.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the Saint Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

Введение

Немцы Санкт-Петербурга являются неотъемлемой частью немецкой диаспоры России. В силу своего происхождения они отличаются от российских немцев, под которыми в историографии принято подразумевать немецких колонистов и их потомков. Если в Поволжье, Новороссии и некоторых других регионах Российской империи большинство немецкого населения составляли именно колонисты, то в столичном регионе наблюдалась несколько иная картина. Немецкое население было сформировано в основном мигрантами, которые прибывали в столицу с начала XVIII в. В результате немцы были представлены во всех сословных группах. Но большинство из них составляли третье сословие (ремесленники, купцы) и сообщество петербургских колонистов, которые до Великих реформ Александра II занимали особую гражданско-правовую нишу (в результате реформы 1871 г. бывшие немецкие колонисты были переведены в разряд поселян-собственников).

Один из парадоксов историографии состоит в том, что степень изученности истории немцев Поволжья, Новороссии, Волыни и Сибири намного выше, чем степень изученности немцев обеих столиц. Это может быть объяснено тем, что в регионах сформировались научные школы, которые постепенно исследовали все стороны жизни местных немцев, в частности их участие в административной деятельности, вклад в экономическое развитие региона на примере отдельных отраслей и т. д. В столице же ставка изначально была сделана на персонификацию истории. О данной специфике свидетельствуют, например, материалы конференций и семинаров [1; 2]. То же можно сказать и об исследованиях, посвященных истории отдельных немецких (преимущественно остзейских) дворянских фамилий [3], а также деятельности некоторых академиков германского происхождения [4].

Крайне редко в поле зрения специалистов попадали широкие городские массы [5]. При всем богатстве

архивов можно выделить лишь одну диссертационную работу, посвященную истории петербургских колоний [6]. Отдельные ее аспекты стали предметом изучения историков в 2010–20-х гг. [7–9]. Однако целостного исследования истории развития немецких колоний в петербургских окрестностях в 1765–1939 гг. до сих пор нет.

Негативный образ мещанства, созданный в русской литературе XIX в., отразился и на истории его исследования. В советский период изучению данного образа внимание не уделялось, в работах отечественных специалистов он упоминался лишь в общем контексте. Обратившись к истории столичных ремесленников, можно найти интересные упоминания о них в коллективной монографии «Очерки истории Ленинграда». В. И. Макаров отмечает в своей статье факт не сокращения, а дальнейшего расширения мелкого производства на основе российских и иностранных цехов [10].

В контексте ремесленного сообщества Санкт-Петербурга рассмотрены и немецкие мастера в монографии А. В. Келлера [11]. Анализируя эволюцию гражданско-правового статуса столичного ремесленника на протяжении всего имперского периода, автор особо выделил иностранных, в том числе немецких, цеховых работников. Большую ценность имеют приведенные А. В. Келлером статистические данные о количестве цехов и численности мастеровых в период правления Екатерины II.

История немцев Санкт-Петербурга и губернии до середины XIX в. изучена очень непоследовательно. Это объясняется в первую очередь пестротой данной социальной группы. Особое внимание следует уделить проблеме мобильности немцев, а также их контактам с окружающим населением.

Целью данной работы выступает исследование особенностей формирования и развития немецкого ремесленничества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII – начале XIX в. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализирована нормативно-правовая база положения немецких ремесленников в столице, выяснены источники формирования и пополнения цехов, рассмотрены взаимоотношения петербургских колонистов и ремесленников, определена степень интегрированности немецких ремесленников в общегородскую жизнь.

Для написания статьи был использован широкий круг источников. Законодательные акты, представленные в издании «Полное собрание законов Российской империи», и нормативные документы уточняющего характера позволили определить не только особенности государственной политики в отношении мелкого производства в Санкт-Петербурге, но и выявить принципы правоприменения тех или иных норм. Основную массу источников составили документы из Российского государственного исторического архива (РГИА) (например, ф. 18 «Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов», ф. 487 «Царскосельское дворцовое управление Министерства императорского двора») и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) (например, ф. 221 «Петроградская купеческая управа», ф. 223 «Петроградская ремесленная управа», ф. 402 «Петроградский городской сиротский суд», ф. 781 «Санкт-Петербургское городское депутатское собрание»). Ценность также представляют документы, касающиеся причисления немцев к ремесленным цеховым организациям.

Теоретические основы исследования

Методологической основой исследования является теория модернизации традиционного общества. Придя на смену марксистско-ленинской теории изучения истории, она позволила по-новому взглянуть на, казалось бы, уже известные аспекты исторического прошлого. Автор статьи разделяет мнение российских и зарубежных историков, которые развивают концепцию национально ориентированных модернизационных моделей [12–14]. Можно утверждать, что российская модернизация имела специфические черты. Протяженность территории и поэтапность формирования российской государственности обусловили неравномерность регионального развития страны. По степени развития капиталистических отношений российские окраины значительно уступали Центральному и Северо-Западному промышленным районам государства. Но отсутствие крепостного права, например, в Сибири и на Северном Кавказе позволило регионам в начале XX в. занять

лидирующие позиции в аграрном секторе. Таким образом, регионы, характеризующиеся собственной спецификой развития, представляли собой единый хозяйственный комплекс.

Важным аспектом в истории России стал фронтальный фактор. Его влияние можно распространить не только на окраинные регионы (Сибирь, Урал, Поволжье, центральноазиатские районы), которые в течение нескольких столетий были интегрированы в общегосударственный организм, но и на присоединенную Петром I Ингерманландию – ядро будущей Санкт-Петербургской губернии. Фронтальность в данном ключе подразумевает как сам факт пограничья, так и диалогичность экономического и социокультурного пространства. Первоначально складывались естественные отношения русского православного мира и лютеранского мира ингерманландских финнов. Однако со временем заметную роль стали играть прибывшие в Санкт-Петербург

выходцы из европейских государств (французы, англичане, пруссаки, баварцы, а с начала XIX в. – евреи и другие этнические группы). Это, несомненно, накладывало отпечаток на специфику повседневной жизни города. В результате естественного процесса интеграции и ассимиляции петербуржцы представлены пестрой в этническом и конфессио-

нальном составе массой городских и сельских обывателей.

В ходе исследования были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), специальные (историко-сравнительный, историко-описательный, проблемно-хронологический, количественный) и иные методы.

Результаты и их обсуждение

Гражданско-правовой статус немецких ремесленников Санкт-Петербурга. Ремесленничество в Санкт-Петербурге стало формироваться параллельно с зарождением в России крупного мануфактурного производства. В управлении торгово-промышленной сферой важную роль играл учрежденный в 1720 г. Главный магистрат – высший орган управления Российской империи. Как справедливо отмечает в своей монографии А. В. Келлер, создание цехов растянулось на десятилетие, начавшись со своеобразного «московского десанта» мастеров Немецкой слободы в Москве [11, с. 227]. Лишь в 1721–1722 гг. в России появились первые цехи. Законодательно это право было закреплено в Регламенте Главного магистрата от 16 января 1721 г.¹ В частности, в гл. VII «О разделении гражданства» было указано: «...каждое художество и ремесло свои обособливые цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей, а над оными алдерманов (или старшин) по величеству города и числу художников имеют»².

Изначально цехи пополнялись не только за счет русских мастеров, которые пожелали переселиться в Санкт-Петербург, но и за счет иностранцев. К 1723 г. число иностранцев было достаточным, чтобы законодатель обратил на них внимание. Так, в сенатском указе от 20 декабря 1723 г. отмечалось: «...являются на посадах мастеровые люди разных мастеров, пришедшие из-за рубежа и живут своими дворами и в чужих дворах... и желают записаться в цех»³. Подобный шаг приветствовался властями: «...разрешалось писать таких мастеровых людей в цехи, и быть им под ведением Магистрата»⁴. Этим же актом был уточнен и фискальный вопрос: «...для платежа подушных денег числить их с другими посадскими»⁵. Таким образом, записавшиеся в цехи иностранцы не получали никаких привилегий.

До середины 1760-х гг. иностранные (немецкие) цехи в Санкт-Петербурге пополнялись как вследствие прибытия мастеров из-за границы, так и вследствие ес-

тественного прироста. Увеличилось и количество ремесленников. Если, по данным ревизии 1721 г., в столице из 1455 мастеров 188 (13 %) были иностранцами [11, с. 231], то к 1767 г., по сведениям столичного гильдейского старшины, среди 1675 мастеров было 767 (более 45 %) иностранцев, преимущественно немцев⁶. Скачок был не только количественный, но и качественный, о чем свидетельствует номенклатура цеховых объединений: российские вечно-цеховые мастера были объединены в 33 цеха, временно-цеховые – в 15 цехов, тогда как немецких было 52 цеха⁷.

Столь значительный рост иностранных, преимущественно немецких, ремесленников был обусловлен рядом факторов. Значительную роль сыграла проводившаяся государством фискальная политика. В российских вечных цехах подушный оклад составлял не менее 1 руб., во временных цехах, например в кузнечном, – 2,5 руб.⁸ В то же время в немецких цехах он составлял в среднем 50 коп. (только в медно-чеканном цехе – 1 руб.)⁹.

На развитие столичного ремесла положительное влияние оказала и кампания по привлечению в Россию иностранцев, начало которой было положено манифестами 1762 и 1763 гг. Среди немецких колонистов, прибывших в Санкт-Петербург во второй половине 1760-х гг., преобладали ремесленники. Длительный процесс их адаптации в Поволжье современные историки объясняют преобладанием именно неземледельческого населения. Подобная картина наблюдалась и в Санкт-Петербурге.

Власти вынуждены были реагировать на сложившуюся ситуацию. Далеко не все потенциальные колонисты изъявили желание покинуть Санкт-Петербург. Учрежденная летом 1763 г. Канцелярия опекунов иностранных под председательством Г. Г. Орлова выступила с инициативой передать таких ремесленников в ведение Магистратской конторы. В связи с этим 9 декабря 1764 г. последовал сенатский указ,

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : [собр. 1-е: по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851 (ПСЗРИ). Т. 6. № 3708.

² Там же. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

³ Там же. Т. 7. № 4395.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ЦИИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 87. Л. 5 об., 7 об., 8.

⁷ Там же. Л. 7 об., 8.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 8.

согласно которому Магистратская контора должна была принимать направляемых ей иностранных ремесленников для записи в Санкт-Петербургские цехи «без всякого отрицания» и выделять им средства на приобретение инструментов и материалов, при этом суммы, которые следовало выделять потенциальным цеховым мастерам, определялись «по усмотрению их мастерства и состояния»¹⁰. Тем самым иностранные ремесленники отличались от колонистов, которым казенные средства выдавались в том же объеме. При этом выделенные суммы и те, и другие могли потратить лишь на хозяйственные нужды, по истечении определенного срока казенный долг следовало вернуть.

На протяжении почти 20 последующих лет иностранные мастера, поселившиеся в Санкт-Петербурге, не попадали в поле зрения законодателей. Лишь в 1782 г. Екатериной II был выдан именной указ Санкт-Петербургскому губернатору генерал-майору У. С. Потапову¹¹. Поводом стали жалобы на магистрат, который принуждал иностранных мастеров записываться в местные цехи. Императрица распорядилась никоим образом не дискриминировать иностранных ремесленников. Иностранные ремесленники, переселившиеся в Россию и осевшие в Санкт-Петербурге после 1763 г., пользовались определенными свободами и льготами вплоть до издания в 1785 г. Грамоты на права и выгоды городам Российской империи.

Указанный законодательный акт значительно нивелировал различия между российскими и иностранными ремесленниками. Несмотря на то что в Санкт-Петербурге деление цехов на российские и немецкие сохранялось, их национальный состав претерпел существенные изменения.

В архивных документах часто встречаются сведения о переходе немецких мастеров в российские цехи. Например, в 1789 г. мастер немецкого цеха Иоганн Фейфер подал прошение о причислении его к российскому шорному цеху. К прошению прилагалось свидетельство о мастерстве, выданное немецким цехом¹². В 1795 г. мастера немецкого хлебного цеха Иоганн Христиан Зейферт, Иоганн Готлиб Буш и Антон Кригер подали прошение о причислении их к российскому кондитерскому цеху. Предполагалось, что в новых условиях они займутся изготовлением сахарных закусок. В архивном деле сохранился оригинал выданного А. Кригеру билета на немецком языке (дан перевод и на русский язык), в котором написано: «Мы алдерманы и заседающие

Санкт-Петербургского немецкого хлебного цеха мастера сим объявляем, что показатель сего Антон Ф. Кригер по усмотрению нашему человек честный и удостоен в наш цех мастером»¹³.

К моменту подачи указанного прошения отношения с немецким хлебным цехом, от которого А. Кригер и его товарищи получили соответствующие свидетельства, были урегулированы в соответствии с законом. В свидетельствах указывалось, что никаких взысканий к мастерам не имеется, а потому управа не возражает против перехода. Но мастерам следовало подтвердить свою квалификацию, сдав своего рода экзамен на профессиональную пригодность. Так, для А. Кригера он состоялся в марте 1795 г. в ремесленной управе кондитерского и пряничного цеха. В выданном ему свидетельстве отмечалось, что А. Кригер «в пекарном разных сахарных закусок мастерстве свидетельствован, по сему оказался знающим, почему и удостоен в российский кондитерский цех для печения разных сахарных закусок мастером же»¹⁴. В городовую обывательскую книгу в 1795 г. была внесена соответствующая запись, а 20 июня того же года А. Кригер был приведен к присяге.

Вопрос о стирании различий между российскими и иностранными ремесленниками окончательно был решен при Павле I. В 1798 г. был принят Устав столичного города Санкт-Петербурга¹⁵, а в 1799 г. – Устав цехов. В качестве регламентирующего органа городского управления был учрежден Камеральный департамент. В его ведении находилось в том числе городское торгово-ремесленное сообщество. Если во второй половине XVIII в. в архивных документах встречались сведения об иностранных купцах – выходцах из Саксонии, Баварии, Пруссии или других германских государств, которые жили в столице и занимались торговлей, но не были приписаны к гильдиям¹⁶, то теперь, согласно параграфу 5 гл. 5 Устава цехов, «иностранные купцы, кои при здешнем порте действительно производят торговлю, должны записываться в гильдии, и тогда уже по мере объявленного капитала пользоваться всеми выгодами тех гильдий, к коим принадлежат они, и нести гильдейские повинности».

На ремесленное население столицы распространялась более строгая регламентация. При этом следует обратить внимание на важный факт: в Уставе цехов нет деления ремесленных цехов на российские и немецкие, хотя оно сохраняло значение еще

¹⁰ПСЗРИ. Т. 16. № 12290.

¹¹Там же. Т. 21. № 15331.

¹²ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 620. Л. 1, 2.

¹³Там же. Д. 2071. Л. 3.

¹⁴Там же. Л. 5.

¹⁵ПСЗРИ. Т. 25. № 18663.

¹⁶ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 169. Л. 6, 8, 20, 22.

в течение более чем 1000 лет. Исполняя надзорные функции, Камеральный департамент получал от полиции «сведения о пребывании каждого в городе мастерового или ремесленного, или рукоделие производящего, или в какую-либо услугу нанимающегося» для составления из них цехов. В параграфе 14 гл. 5 Устава цехов было указано, что вводится запрет заниматься ремеслом для тех, кто не состоит в цехах.

Немецкие колонисты и ремесленный мир Санкт-Петербурга. В исследованиях, посвященных теме российских немцев, присутствуют утверждения об их самоизоляции. Так, Т. А. Шрадер в одной из статей отмечает, что «немцы вели обособленный от русского населения образ жизни» [5, с. 135]. Это было характерно не только петербургским, но и поволжским, причерноморским, волынским, сибирским немцам в дореволюционной России. При этом формулировка «обособленный» не подразумевала их самоизолированный образ жизни и деятельности.

Уже с первых десятилетий своего пребывания в столице колонисты были вовлечены в хозяйственную жизнь региона. Они очень быстро превратились в главных поставщиков некоторых сельскохозяйственных культур на местные рынки. С начала XIX в. они поставляли картофель в учебные заведения (в Горный кадетский корпус¹⁷, гимназии¹⁸). Не меньшее значение петербургские колонисты имели для развития столичного мелкотоварного ремесленного производства.

Как уже отмечалось, среди колонистов было много ремесленников. Попытки властей превратить их в образцовое земледельческое население потерпели крах. В течение нескольких десятилетий колонисты вынуждены были адаптироваться к новым условиям жизни. Далеко не всем из них это удалось.

Первые плакатные паспорта, выданные петербургским колонистам и датированные 1789–1791 гг., хранятся в фонде Царскосельской конторы Вотчинного правления РГИА. Поводом к подаче прошения о выдаче паспорта чаще всего были экономические причины. Так, колонист Ижорской колонии Христовор Леверенц просил выдать паспорт своему сыну Гансу Генриху 20 лет «для жительства и прокормления во всей Санкт-Петербургской губернии работой»¹⁹. Уходили из колоний не только одинокие люди, но и супружеские пары. Так, в 1790 г. был выдан паспорт колонисту Ижорской колонии Генриху

Цунау и его жене Иоганне «для прокормления работой в Санкт-Петербурге»²⁰.

В то же время из колоний уходили и те, кто владел каким-либо ремеслом. Примером тому может служить поселившийся в столице в 1790 г. Христиан Мус. Ранее он числился в Ижорской колонии. Однако, как следует из рапорта волостного правления директору Царскосельской конторы Вотчинного правления А. П. Кашкину, Х. Мус у которого было три брата, проживавших в Ижорской колонии «никогда не может получить двора (в указанной колонии. – В. Ш.), и ни в каком дворе не может сделаться должником в получении колонией ссудных денег»²¹. Из этого утверждения следует, что в силу действовавшего в колониях принципа наследования Х. Мус после раздела имущества оказался без средств к существованию. Не имея земельного надела, он был освобожден от уплаты казенного долга, но тем не менее должен был платить подушную подать. Единственным выходом из сложившегося положения стал уход Х. Муса в ремесленное мастерство. Вероятно, были достигнуты определенные договоренности с альтерманами немецкого медного цеха, в который колонист был записан.

Судя по сохранившимся документам, в 1800-х гг. колонисты активно отправляли своих сыновей на обучение к столичным ремесленникам. Наибольшее количество контрактов, заключенных между родителями учеников и мастерами, приходится на 1806–1808 гг. Это было связано с неурожаем и эпизоотиями. В борьбе с последними власти даже были вынуждены оказывать колониям помощь. Так, в 1805 г. столичный физикат командировал в одну из колоний штаб-лекаря Менде для прекращения падежа скота²², а 1808 г. Петербургское дворянское депутатское собрание рассматривало дело об оказании помощи стрельнинским колонистам по причине неурожая²³.

Данные таблицы представляют вовлеченность петербургских ближних²⁴ колонистов в городское ремесло.

В 1815 г. почти 30 колонистов, не считая членов их семей, были связаны с ремесленным производством в столице. Многие из них проживали по срочным паспортам или свидетельствам о крещении, которые выдавались местной администрацией. Наиболее часто среди колонистов встречались портные, сапожники, переплетчики, мастера бронзового дела.

¹⁷ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 745, 3855.

¹⁸Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11380.

¹⁹РГИА. Ф. 487. Оп. 14. 1791 г. Д. 64. Л. 59.

²⁰Там же. Л. 57.

²¹Там же. Д. 83. Л. 5.

²²ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 201.

²³Там же. Ф. 536. Оп. 9. Д. 230.

²⁴Под ближними колониями в литературе принято понимать первые колонии, возникшие в окрестностях Санкт-Петербурга (Ново-Саратовка, Средняя Рогатка, Ижорские и Ямбургские колонии).

Сведения о колонистах, проживавших вне колоний и занимавшихся ремеслом
(по данным на 20 сентября 1815 г.)

Information about colonists living outside the colonies and engaged in crafts
(as of 20 September 1815)

Имя, фамилия	Возраст (по данным ревизии 1811 г.)	Статус	Вид ремесла	Год оставления колонии
<i>Среднерогатская колония</i>				
Якоб Георг Келлер	22	Подмастерье	Портное дело	1808
Фридрих Вильгельм Менг	41	Мастер	Стекольное дело, красильное дело	1774
Адам Франц Георг	11	Ученик	Сапожное дело	1814
<i>Колония Ново-Саратовка</i>				
Клементс Штерн	20	Подмастерье	Переплетное дело	1801
Павел Бич	38	Мастер	Инструментальное дело	Нет данных
Карл Триллер	11	Ученик	Переплетное дело	1811
Михаэль Триллер	10	Ученик	Переплетное дело	1811
Христиан Штейнмиллер	34	Мастер	Переплетное дело	1800
Вильгельм Шефер	15	Подмастерье	Сапожное дело	1806
Иоганн Адам Шох	12	Ученик	Портное дело	1815
Карл Долингер	13	Ученик	Сапожное дело	1811
Христиан Керн	11	Ученик	Сапожное дело	1811
Готлиб Гетц	20	Подмастерье	Бронзовое дело	1803
Вильгельм Гетц	21	Подмастерье	Бронзовое дело	1806
Иоганн Гетц	17	Подмастерье	Бронзовое дело	1806
Георг Фридрих Ро	12	Ученик	Перчаточное дело	1814
<i>Ижорская колония</i>				
Фридрих Бендер	14	Подмастерье	Бронзовое дело	1808
Христиан Киль	39	Мастер	Стекольное дело	1790
Пауль Киль	31	Мастер	Стекольное дело	Нет данных
Мартын Гетц	27	Мастер	Бронзовое дело	1799
Иоганн Гетц	20	Подмастерье	Портное дело	1806
Пауль Гетц	21	Подмастерье	Бронзовое дело	1801
Готфрид Гетц	14	Ученик	Бронзовое дело	1806
Иоганн Лоренц Топпер	22	Подмастерье	Булочное дело	1799
Иоганн Топпер ²⁵	20	Подмастерье	Столярное дело	1801
Михель Топпер ²⁶	15	Подмастерье	Сапожное дело	1810
Георг Петер Топпер	14	Ученик	Кузнечное дело	1810
Генрих Эргард	20	Мастер	Инструментальное дело	1806
Михаэль Леверенц	36	Мастер	Стекольное дело	1790
Иоганн Георг Эргард	22	Мастер	Портное дело	1804

Примечание. Составлено по данным следующего источника: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 896. Л. 46–55.

²⁵В 1812 г. записался в Бессмертный полк (без разрешения), вернулся из похода, проживал в Санкт-Петербурге с полковым аттестатом.

²⁶В 1812 г. записался в Бессмертный полк (без разрешения), скончался в походе в 1812 г.

Профессиональная стратификация немецких ремесленников была стандартной: мастера составляли одну треть сообщества. В то же время число подмастерьев несколько превышало количество учеников. По окончании срока обучения многие переходили в более высокую страту.

Средний возраст мастеров составлял 32 года. В некоторых ремеслах, например в инструментальном деле, были и совсем молодые мастера (так, колонисту Ижорской колонии Генриху Эргарду было 20 лет). В начале XIX в. средний возраст подмастерьев составлял от 14 до 22 лет. На обучение мастерству мальчиков отдавали рано – примерно в 12 лет. Выбор той или иной профессии мог быть обусловлен как знакомством с мастером, к которому подростка отдавали на обучение, так и семейной традицией.

В начале XIX в. колонисты пополняли ряды не только учеников и подмастерьев в цехах столицы. Некоторые из них, сдав экзамен, получали свидетельство мастера. Автору известно как минимум о двух таких случаях. Примером удачной интеграции в Санкт-Петербургскую цеховую структуру является Христиан Штейнмиллер. В 1765 г. вместе с родителями он в возрасте четырех-пяти лет прибыл в Россию, к концу 1790-х гг. освоил переплетное мастерство и был записан в переплетный цех мастером. По данным на 1822 г., он жил в Адмиралтейской 3-й части 2-го квартала в доме № 146, принадлежащем мещанину Яковлеву, по ул. Гороховой [15, с. 543]. Известно, что он обучал переплетному делу детей колонистов из Ново-Саратовки (Карла и Михаэля Триллеров)²⁷.

Успешным колонистом-ремесленником стал также Клементс Штерн (родился примерно в 1791 г.), который освоил переплетное ремесло и к 1822 г. стал мастером временного переплетного цеха. Он жил и содержал мастерскую в Каретной части Санкт-Петербурга по Тележному переулку в доме мещанки Лукерьи Медведниковой [15, с. 534]. Правда, его мастерская, в отличие от мастерской Х. Штейнмиллера, находилась на окраине города.

Принятие Устава столичного города Санкт-Петербурга и Устава цехов гомогенизировали немецкую часть ремесленного сообщества столицы. Это отразилось и на социальной защите населения, в том числе сирот. В соответствии с законодательством,

ремесленная управа должна была предпринять меры по сохранению имущества умерших и оказанию помощи оставшимся без попечения родителей несовершеннолетним. В данном контексте уместно упомянуть дело наследников красильного мастера Карла Шнейдера (умер в 1812 г.). По инициативе немецкой ремесленной управы в Санкт-Петербургский сиротский суд было подано прошение, в котором излагалось следующее. Уроженец Мекленбурга (Пруссия) красильщик К. Шнейдер (был записан в петербургский ремесленный цех 7 августа 1806 г.) скончался, оставив вдову Елизавету (уроженку Мюльгаузена), дочь Каролину (родилась в 1806 г. в Гамбурге) и сына Карла (родился в 1810 г. в Санкт-Петербурге). Детям в наследство причитался капитал в размере 1 тыс. руб. каждому. В случае кончины одного из детей до совершеннолетия полноправным наследником становился второй ребенок. В том случае, если скончаются оба, наследницей должна стать вдова. До совершеннолетия детей распоряжаться деньгами могли лишь опекуны, каковыми стали ленточный фабрикант Иоганн Цинзерлинг и трубочистный мастер Карл Белерт²⁸. Уже через год после кончины мужа Е. Шнейдер заявила о намерении вступить во второй брак с красильщиком Георгом Фридрихом Фриком и оставить детей при себе. При этом опекуны детей ежегодно докладывали в сиротский суд сведения о своих подопечных. Они отметили тот факт, что проценты с размещенных в кассе суда 2 тыс. руб. Елизавета Фрик «не желает брать, а чтобы оные приращались к капиталу до возраста наследников»²⁹. Дети же были отданы в пансион для обучения наукам. В 1824 г. Каролина Шнейдер достигла того возраста, когда ее следовало выдавать замуж. Ее избранником стал придворный зильбердинер³⁰ Свешников. По этому случаю опекуны обратились с прошением в сиротский суд, чтобы получить 1 тыс. руб. с процентами «на приготовление для нее приданого нужного»³¹. Спустя почти пять лет (в 1829 г.) о намерении получить причитающийся ему капитал заявил и Карл Шнейдер. К тому моменту он уже второй год обучался красильному мастерству. Ему был выдан капитал в размере 1 тыс. руб., а также проценты в размере 1,02 тыс. руб. 60 коп.³²

Заключение

Таким образом, немецкое ремесленное сообщество Санкт-Петербурга было неоднородным. Оно, с одной стороны, развивалось по своим правилам, а с другой – было неотъемлемой частью столичной жизни.

В 1700–1763 гг. ремесленные цехи пополнялись преимущественно за счет выходцев из немецких государств. В результате за 1721–1764 гг. их численность увеличилась более чем в четыре

²⁷РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 896. Л. 36.

²⁸ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 – 1 об.

²⁹Там же. Л. 36.

³⁰Зильбердинер – служащий, ответственный за чистку серебряной посуды.

³¹ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Д. 13. Л. 40.

³²Там же. Л. 66.

раза. Ко второй половине XVIII в. немецкие ремесленные цехи стали играть доминирующую роль в мелкотоварном производстве Санкт-Петербурга. Открытию новых цехов и пополнению уже существующих способствовала и проводившаяся государством фискальная политика.

В ходе кампании по привлечению иностранцев в Россию в середине 1760-х гг. в страну прибыло большое количество колонистов. Среди них оказались и ремесленники, которые не смогли быстро адаптироваться к новым условиям, несмотря на покровительственную политику со стороны властей (выделение определенных субсидий на обзаведение необходимым инвентарем, предоставление свободы предпринимательства посредством освобождения от необходимости записываться в столичные цехи).

На рубеже XVIII–XIX вв. ремесленное сообщество столицы стало активно взаимодействовать с немцами из ближних колоний. В условиях многочисленности семейств, нехватки земли, неурожаев и эпизоотий часть колонистов вынуждена была связать судьбу с городской средой. Некоторым из них удалось стать цеховыми мастерами и организовать ученичество.

В условиях военно-полицейского абсолютизма Павла I была проведена гомогенизация ремесленной сферы столицы. Результатом стало уравнивание российских и иностранных ремесленников в правах и обязанностях. Частично это нашло отражение и в функционировании системы социальной защиты. Например, сироты были под покровительством не только родственников, но и сторонних лиц и организаций.

Библиографические ссылки

1. Шрадер ТА, редактор. *Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Выпуск 8*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2014. 425 с.
2. Бучатская ЮВ, редактор. *Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Выпуск 13*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2022. 424 с.
3. Катин-Ярцев МЮ. *Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX вв.* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2000. 296 с.
4. Белковец ЛП. *Иоганн Георг Гмелин*. Москва: Наука; 1990. 144 с.
5. Шрадер ТА. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В: Юхнева НВ, редактор и составитель. *Петербург и губерния: историко-этнографические исследования*. Ленинград: Наука; 1989. с. 132–139.
6. Бахмутская ЕВ. *Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е гг.* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2002. 320 с.
7. Черказьянова ИВ. Немецкая колония в Стрельне: образы прошлого и настоящего. В: Государственный комплекс «Дворец конгрессов». *Константиновские чтения – 2010. Константиновичи и Стрельна (к 510-летию Стрельны). Материалы научной конференции; 27 октября 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Летопись; 2010. с. 112–129.
8. Пузейкина ЛН. *Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2013. 384 с.
9. Шайдуров ВН, Ерохина ОВ. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765–1800-х гг. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.
10. Макаров ВИ. Экономическая жизнь Петербурга 60–90-х гг. XVIII в. В: Вяткин МП, редактор. *Очерки истории Ленинграда. Том 1, Период феодализма (1703–1861 гг.)*. Москва: Академия наук СССР; 1955. с. 280.
11. Келлер АВ. *Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты)*. Санкт-Петербург: Алетей; 2020. 630 с.
12. Побережников ИВ. *Переход от традиционного к индустриальному обществу*. Москва: Политическая энциклопедия; 2006. 237 с.
13. Эйзенштадт Ш, Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор. *Прогнозис*. 2007;2(10):212–226.
14. Миронов БН. *Российская империя: от традиции к модерну*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2014–2015. 3 тома.
15. Аллер СИ. *Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов: на 1823 год*. Санкт-Петербург: Департамент народного просвещения; 1822. 663 с.

References

1. Shrader TA, editor. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt. XVIII–XX vv. Volume 8* [Germans in Saint Petersburg. Biographical aspect. 18th–20th centuries. Issue 8]. Saint Petersburg: MAE RAS; 2014. 425 p. Russian.
2. Buchatskaya YuV, editor. *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt. XVIII–XX vv. Volume 13* [Germans in Saint Petersburg. Biographical aspect. 18th–20th centuries. Issue 13]. Saint Petersburg: MAE RAS; 2022. 424 p. Russian.
3. Katin-Yartsev MYu. *Baltiisko-nemetskoe dvoryanstvo na rossiiskoi sluzhbe. Konets XVIII – nachalo XX vv.* [Baltic-German nobility in the Russian service. Late 18th – early 20th century] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2000. 296 p. Russian.
4. Belkovets LP. *Iogann Georg Gmelin*. Moscow: Nauka; 1990. 144 p. Russian.
5. Schrader TA. [Legal and cultural adaptation of German colonists in the Saint Petersburg Province in the post-reform period]. In: Yukhneva NV, editor and compiler. *Peterburg i guberniya: istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the province: historical and ethnographic studies]. Leningrad: Nauka; 1989. p. 132–139. Russian.

6. Bakhmutskaya EV. *Nemetskie kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii. 1760–1870-e gg.* [German colonies of St. Petersburg province. 1760–1870-s] [dissertation]. Saint Petersburg; 2002. 320 p. Russian.
7. Cherkaz'yanova IV. [The German colony in Strelna: images of the past and present]. In: The National Congress Palace. *Konstantinovskie chteniya – 2010. Konstantinovichi i Strel'na (k 510-letiyu Strel'ny).* *Materialy nauchnoi konferentsii; 27 oktyabrya 2010 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Konstantinovsky readings – 2010. Konstantinovichi and Strelna (to the 510th anniversary of Strelna). Materials of the scientific conference; 2010 October 27; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Letopis'; 2010. p. 112–129. Russian.
8. Puzeikina LN. *Nemtsy v Sankt-Peterburgskoi gubernii: istoriya, yazyk, pesni* [Germans in Saint Petersburg province: history, language, songs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2013. 384 p. Russian.
9. Shaidurov VN, Erokhina OV. German colonies of St. Petersburg province: appearance and development in the 1765–1800s. *Journal of Frontier Studies*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493. Russian.
10. Makarov VI. [The economic life of Saint Petersburg in the 60–90s of the 18th century]. In: Vyatkin MP, editor. *Ocherki istorii Leningrada. Tom 1, Period feodalizma (1703–1861 gg.)* [Essays on the history of Leningrad. Volume 1. The period of feudalism (1703–1861)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1955. p. 280. Russian.
11. Keller AV. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyi i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty)* [The craft of Saint Petersburg of the 18th – early 20th century (administrative, legislative and socio-economic aspects)]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2020. 630 p. Russian.
12. Poberezhnikov IV. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu* [Transition from a traditional to an industrial society]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2006. 237 p. Russian.
13. Eizenshtadt Sh, Shlyukhter V. [Paths to various variants of early modernity: a comparative review]. *Prognosis*. 2007; 2(10):212–226. Russian.
14. Mironov BN. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2014–2015. 3 volumes. Russian.
15. Aller SI. *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adresnaya kniga, s planom i tablitsей pozharnykh signalov: na 1823 god* [Index of dwellings and buildings in Saint Petersburg, or Address book, with a plan and a table of fire signals: for 1823]. Saint Petersburg: Departament narodnogo prosveshcheniya; 1822. 663 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2023.
Received by editorial board 15.05.2023.